

Глаза
цвета прибрежного моря

история из мира Дахарана

Евгений Кудрявцев

Евгений Кудрявцев

Глаза цвета прибрежного моря

<https://litres.ru/74525204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы верим глазам.

Верим сердцу.

Верим собственным чувствам.

Но если они однажды приведут нас во тьму...

Евгений Кудрявцев

Глаза цвета

прибрежного моря

Глаза цвета прибрежного моря.

I

Сначала над просыпающимися причалами появились чайки. Они носились над мачтами, над домами, кричали, сливаясь в один оглушительный гвалт. Потом на востоке показалось солнце и его первый свет лёг вдоль реки Халастан, и на море, в которое она впадала длинной золотой дорожкой. Потом он поднялось из-за густых западных лесов Михтарской империи и нежно осветило раскинувшийся здесь портовый город Шавар-Миназ. Заскрипели двери и ставни. Застучали по камню деревянные колёса телег. Загремели цепи. Где-то у дальнего пирса тяжело заскрипела лебёдка, поднимая на палубу бочки с солёной рыбой. Из открытых дверей харчевен потянуло жареной рыбой, луком и пряностями. Между складами уже торопились грузчики, ругаясь, смеясь и перекрикиваясь на десятках языков.

Шавар-Миназ был небольшим городом и море здесь чувствовалось везде. Оно пахло солью на каменных стенах. Оно жило в сырости под крышами. Оно въедалось в дерево, железо, в людей и их жизни. Даже в самые жаркие дни воздух

над портовыми улицами оставался влажным, а по утрам с моря приходил холодный туман, который нехотя рассеивался лишь тогда, когда солнце поднималось достаточно высоко.

Хозяин лавки — старик по имени Хадар — вышел из двери, придерживая ладонью пояс. Он остановился, потёр колени.

— Проклятые колени, — тихо проворчал он.

Колени болели уже несколько месяцев. Сначала Хадар думал, что само пройдёт. Потом решил, что это просто возраст. Потом перестал думать вообще, потому что думать о боли было некогда. Она приходила ночью. Ложилась в суставы тупым жаром и не давала уснуть. Иногда старик просыпался ещё до рассвета и лежал, глядя в темноту, пока Нора тихо дышала за тонкой перегородкой. Нора. Единственная дочь. Единственный человек, ради которого он всё ещё вставал по утрам.

Хадар посмотрел на свою лавку. Доски над её входом давно потемнели от дождей и морского ветра. На стене висели связки верёвок, мотки тонких канатов, деревянные поплавки, крючья, поплавочные грузила и десятки других мелочей, без которых рыбаку было нечего делать в море. Дела шли плохо. Последние месяцы рыбаки стали всё чаще покупать снасти у больших торговцев. Там было дешевле — не потому, что товар был лучше, а потому, что большие лавки могли позволить себе привозить его целыми партиями.

У Хадара же всё было иначе. Он сам чинил сети, сам плёл верёвки, сам правил крючья. Нора работала за прилавком. Когда покупателей не было, просто смотрел на улицу и ждал. За последние две недели он едва заработал достаточно, чтобы купить хлеб, немного масла и сушёной рыбы, но вчера вечером Хадар пересчитал монеты в жестяной коробке и решил, что больше откладывать нельзя. Сегодня он пойдёт к Махиру Тассану. Тумаритскому алхимику, о котором в порту говорили всякое. Одни утверждали, что Махир способен вылечить любую болезнь, если ему хорошо заплатить. Другие говорили, что половина его зелий годится только для того, чтобы травить тараканов. Третьи шептались, что он знается с гильдией Тишины клана Неназываемой. Именно поэтому его лавку многие обходили стороной, чтобы, не дай небо, не попасть под подозрение Службы Созерцателей. Хадар не верил ни первым, ни вторым, ни третьим. Ему было всё равно, что умеет алхимик и с кем ведёт дела. Ему нужно было всего лишь перестать просыпаться от боли.

Хадар сделал несколько шагов и снова поморщился.
— Вот ведь старость...

Он прошёл несколько десятков шагов и невольно покоился на соседнюю лавку. Точнее, уже не лавку. Теперь рядом с ним стоял настоящий двухэтажный каменный дом. Ещё полгода назад здесь была старая мастерская канатчика. Потом её выкупил приезжий торговец из Нал-Мариса — города, лежавшего ближе к столице. На первом этаже он устро-

ил ювелирную лавку. В окнах уже блестели золотые цепочки, браслеты и камни. Хадару всё это не нравилось. Особенно хозяин. Шадурит Шабар был человеком круглым, весёлым и слишком разговорчивым. Он носил дорогие цветастые халаты, душился восточными маслами и смеялся так громко, словно весь город был обязан слушать его шутки. И главное — он хотел купить лавку Хадара. Очень хотел.

Хадар старался проходить мимо, не поднимая глаз. Не могло

— Эй, сосед!

Хадар остановился. Сверху, из открытого окна второго этажа, высунулась широкая фигура Шабара. Шадурит был одет в длинный цветастый халат, расшитый золотыми нитями. На толстой руке блестели браслеты, а в ухе сверкала крупная серьга. Он улыбался так широко, будто собирался предложить Хадару лучший подарок в его жизни.

— Ты ещё не передумал?

Хадар поднял голову.

— О чём?

— О лавке.

— Нет.

— Подумай ещё раз. - Шабар засмеялся. — Я предлагаю хорошие деньги!

Хадар промолчал.

— Очень хорошие! — продолжал ювелир. — Ты мог бы уехать отсюда. Купить себе дом где-нибудь посуше. И дочери

твоей хватило бы на жизнь.

Старик поморщился.

— Мне и здесь есть где жить.

— Это называется жить? — Шабар развёл руками и вновь засмеялся. — Упрямый ты человек, Хадар.

Старик ничего не ответил и пошёл дальше.

— Куда же ты?

Хадар остановился.

— К лекарю.

— А-а! — протянул Шабар. — К кому?

— К Махиру Тассану.

Ювелир перестал улыбаться.

— А ты знаешь, что о нём говорят в порту? — спросил он, прищурившись.

Хадар медленно обернулся. Посмотрел на ювелира.

— О тебе тоже многое говорят.

Шабар снова захохотал. Хадар фыркнул и пошёл дальше.

— Только не говори потом, что я тебя не предупреждал! — крикнул вслед ювелир.

— Толстый шакал, - проворчал про себя старик, сворачивая за угол.

Колено снова заныло. Он остановился, опёрся рукой о стену и несколько секунд просто стоял, пережидая боль. Пошёл дальше. Лавка Махира Тассана находилась у самого старого рынка, там, где портовая улица постепенно превращалась в лабиринт узких переулков. Над входом висела деревянная

болванка, изображавшая большой гранёный пузырьёк микстуры. Хадар посмотрел на вывеску и тяжело вздохнув, вошёл внутрь.

II

К полудню Шавар-Миназ окончательно разогрелся. Утреннюю прохладу, ещё недавно гулявшую по улицам с морским ветром, теперь сменило жаркое, слепящее солнце. Каменные стены домов нагрелись, и от них поднималось сухое тепло. Над крышами дрожал воздух. Из гавани тянуло солью, горячей смолой и рыбой, а поверх этих запахов ветер иногда приносил аромат пряностей из торговых рядов.

На широкой улице, ведущей от портовых кварталов к административным зданиям, прохожие невольно расступались. По ней шёл молодой человек в сопровождении двух воинов Храмовой стражи. Они держались на два шага позади него, не разговаривали и почти не смотрели по сторонам. На них были лёгкие панцири из тёмной кожи с металлическими пластинами на груди и плечах, короткие плащи цвета выцветшего песка и высокие дорожные сапоги. На поясах висели прямые мечи. На левом плече каждого был вышит знак Храма — стилизованный глаз, окружённый пятью тонкими лучами.

Сам молодой человек был одет значительно богаче. На нём был длинный светлый кафтан из тонкой элеанской ткани, почти белый, с едва заметным голубоватым оттенком. Высокий воротник и широкие края рукавов были отделаны

узкой серебряной вышивкой. На груди, поверх ткани, лежала короткая тёмно-синяя накидка, закреплённая у правого плеча круглой застёжкой с изображением глаза Завесы. На поясе висел узкий церемониальный кинжал в серебряных ножнах. Он был скорее знаком должности, чем оружием: рукоять из тёмного дерева, навершие из слоновой кости, на металлической части ножен — пять маленьких насечек. Знак раита аль-руджума. Раит Асаэль Вальден. Портовый инспектор Палаты Завесы Службы Созерцания. Должность, которую он получил всего три недели назад. Правда, сам Асаэль предпочёл бы получить её в родном Элеане. Он не скрывал от себя этого. Шавар-Миназ был богатым городом, важным портом и одним из главных торговых узлов побережья, но это был Михтар. Заморская восточная варварская страна, сквозь пропитанная мерзким колдовством, с которым Элианский Доминион боролся сотни лет.

Асаэль мечтал о столице. О широких улицах Эленвайра, о мраморных дворцах Доминиона, о высоких залах Службы Созерцания, где решения принимались людьми, чьи имена знали во всех концах Дахарана.

Здесь же ему предстояло следить за портовыми складами, проверять подозрительные артефакты, расследовать случаи запрещённой магии и разбираться с контрабандистами, рыбаками и местными племенами. Не совсем та карьера, которую он представлял себе, но всё-таки карьера, и Асаэль был благодарен судьбе. Очень многие молодые раиты годами

ждали назначения, прежде чем получить хотя бы маленькую должность в провинциальной канцелярии. Он получил свою в двадцать с небольшим и знал почему.

Фамилия Вальден открывала двери. Его отец принадлежал к одному из старейших элеанских родов. Вальдены владели торговыми домами на побережье, складами, кораблями и долями в нескольких крупных компаниях, перевозивших товары между Элеаном и дальними портами. Однако богатство рода не должно было стать для Асаэля единственным основанием для достойной жизни. С детства ему внушали одну простую мысль: имя нужно заслужить. Он изучал право Доминиона, историю артефакторики, основы распознавания запрещённых предметов, языки прибрежных племён и искусство допроса. Он действительно был способным учеником. Асаэль это знал и, пожалуй, именно поэтому особенно не любил вспоминать о том, что его покровителем при дворе был брат его матери — архонт Вельсар. Имени Вельсара было достаточно, чтобы двери, перед которыми другие могли стоять годами, открывались почти сразу. Асаэль предпочитал думать, что получил должность благодаря собственным способностям, и он ещё докажет это. Докажет всем и прежде всего самому себе.

Сегодня он был в хорошем настроении. Утро выдалось прекрасным.

На завтрак ему подали поджаренную оленину, ломти свежего хлеба и немного мягкого сыра. К мясу он выпил бо-

кал красного разбавленного дар-тамарского вина. Теперь вино приятно согревало кровь, а морской ветер остужал лицо. Асаэль шёл неторопливо. Сегодня ему почему-то нравился Шавар-Миназ. Солнце стояло высоко. Над гаванью кружили белые птицы. Вдали блестела вода, и корабли казались вырезанными из тёмного дерева на фоне ослепительного моря. Один из воинов Храмовой стражи что-то тихо сказал своему товарищу. Асаэль не прислушался. Он уже видел впереди здание Палаты. Каменное, строгое, лишённое украшений, оно стояло почти у самой набережной. Его широкие стены были сложены из светлого прибрежного камня, а высокие окна защищены от солнца резными каменными решётками. Над входом возвышался знак Службы Созерцания. Око Завесы - пять тонких лучей расходились от него в стороны, словно нити, удерживающие невидимую границу мира.

Асаэль поднялся по широкой лестнице. Стражники у дверей вытянулись. Он едва заметно кивнул им и вошёл. Внутри было прохладнее. Толстые каменные стены хорошо удерживали утреннюю прохладу, а из глубоких оконных ниш тянуло морем. Асаэль прошёл по коридору. За закрытыми дверями работали писцы. Откуда-то доносился шелест бумаги, скрип пера и приглушённые голоса чиновников. Он дошёл до своей рабочей залы и толкнул дверь. Здесь ему нравилось. Широкие арочные оконные проёмы занимали почти всю дальнюю стену. За ними лежала гавань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.